

Статья 169 Уголовного кодекса Российской Федерации — имитация защиты предпринимательской деятельности

В. А. Казакова, С. Ю. Корablёва

Московский государственный лингвистический университет,
Российская Федерация, 119034, Москва, ул. Остоженка, 38

Для цитирования: Казакова, Вера А., Светлана Ю. Корablёва. 2020. «Статья 169 Уголовного кодекса Российской Федерации — имитация защиты предпринимательской деятельности». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 919–935.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.406>

В статье изложены результаты исследования состава преступления, предусмотренного ст. 169 Уголовного кодекса РФ, а также перспективы совершенствования законодательства с целью более эффективной защиты предпринимательских свобод. В уголовном законодательстве России существует отдельная норма, запрещающая должностному лицу воспрепятствовать деятельности индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Как следует из официальной статистики, эта норма практически не применяется. Совершенствование нормативно-правовых условий для создания юридических лиц сделало нецелесообразным совершение ряда деяний, квалифицируемых как воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности. В большей степени виной тому высокая латентность незаконных действий должностных лиц, оказывающих давление на бизнес. Так, в России достаточно распространено завуалированное вымогательство с целью вынудить предпринимателей оказать безвозмездную финансовую помощь — от выделения средств на социальные нужды до обеспечения органов власти всем необходимым для проведения различных мероприятий. Существование отдельной статьи для защиты прав предпринимателей не только не помогает бороться с имеющимся положением дел, но и вносит дополнительные сложности в практику квалификации преступлений. Авторы отмечают, что важнейшим условием предпринимательской свободы на сегодняшний день является совершенствование гражданского законодательства в сфере социального партнерства власти и бизнеса. Уголовное законодательство представляет собой последний рубеж защиты субъектов предпринимательской деятельности и должно отличаться максимальной эффективностью. Устаревшие и громоздкие формулировки диспозиции ст. 169 УК РФ этому критерию не соответствуют. Действия должностных лиц вопреки интересам службы следует квалифицировать как должностные преступления (ст. 285, 286 УК РФ), в том числе когда речь идет о любых формах ограничения прав и свобод бизнеса.

Ключевые слова: защита прав предпринимателей, воспрепятствование бизнесу, экономические преступления, должностные преступления, злоупотребление должностными полномочиями, использование служебного положения, корпоративная ответственность бизнеса, социальное партнерство, конкуренция норм.

1. Введение

Предпринимательство — один из факторов экономического подъема, и современные развивающиеся государства заинтересованы в его поддержке. Для этого используются различные меры стимулирующего характера. В России для развития бизнеса считаются важными качественные нормы, защищающие свободу бизнеса. Многие статьи гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ¹ (далее — УК РФ) направлены на ограждение добросовестных предпринимателей от незаконных действий конкурентов, ненужного вмешательства органов власти и т. д. Их периодические изменения часто обосновываются необходимостью пресечения любых попыток давления на бизнес и, как следствие, укрепления доверия между властью и предпринимателями. Однако многочисленность и бессистемность внесенных правок свидетельствуют скорее о растерянности законодателя, не вполне понимающего, как этой цели добиться.

Одна из базовых статей, направленных на защиту предпринимательских свобод, — ст. 169 УК РФ «Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности». «Сфера, охраняемая данной нормой закона, — это отношения, возникающие в связи с осуществлением должностными лицами разрешительной, контрольно-надзорной, фискальной и иных функций регулирования предпринимательской деятельности, в частности, в области принятия решений, проведения проверок, заключения соглашений, возложения поручений, лицензирования, контроля за соблюдением правил торговли, оказания услуг, производственной деятельности, налогообложения и взимания различных сборов, кредитования, обслуживания государственными структурами» (Гладких, Сбирунов 2012, 15).

Статистика применения ст. 169 УК РФ свидетельствует о низкой эффективности нормы. Так, за последние четыре года количество возбужденных уголовных дел колебалось около отметки 100, а число осужденных лиц не превышало 22 (см. табл.).

Таблица. Количество зарегистрированных преступлений и число осужденных по ст. 169 УК РФ (2016–2019 гг.)*

Сведения \ Год	2016	2017	2018	2019
Количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде (ст. 169 УК РФ)	72	101	105	85
Общее число осужденных по ч. 1–2 ст. 169 (основная квалификация / дополнительная квалификация)	9 (1 / 8)	17 (5 / 12)	16 (7 / 9)	22 (9 / 13)

* Составлено авторами. Использованы данные Портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. Дата обращения 25 ноября, 2020. <http://crimestat.ru/analytics>. Также привлечены данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде РФ. Дата обращения 25 ноября, 2020. <http://www.cdep.ru>.

Более чем в половине субъектов РФ за отдельно взятый год могло быть не зарегистрировано ни одного факта воспрепятствования законной предприниматель-

¹ Здесь и далее все ссылки на нормативные и правовые акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 25 ноября, 2020. <http://www.consultant.ru>.

ской или иной деятельности. В частности, в 2018 г. в Москве не было возбуждено ни одного дела по ст. 169 УК РФ. При этом, «по данным Уполномоченного по защите прав предпринимателей по г. Москве, с начала 2018 г. поступило 64 обращения с просьбой о защите прав хозяйствующих субъектов, за весь период (с 2014 г.) — 2751 (в том числе 1453 устных) обращение» (Иванцов, Молчанова 2018, 161).

Статистические данные следует анализировать в контексте специфики диспозиции ст. 169 УК РФ. В частности, данная норма, чрезвычайно громоздкая по содержанию, конкурирует с иными нормами УК РФ и является бланкетной по своей конструкции с отсылкой к иным отраслям законодательства. В научных работах последних лет эти вопросы затрагивались, но с акцентом на криминалистическую или теоретическую составляющую, а именно на законодательные определения и сущность понятий, упоминаемых в диспозиции ст. 169 УК РФ (Бажанов 2017; Варданян, Казаков 2015b; Леонов 2009).

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить ряд конкретных причин того, что на практике правоприменительные органы редко описывают деяния должностных лиц с использованием формулировок ст. 169 УК РФ. Диспозиция данной статьи предусматривает семь вариантов воспрепятствования, а именно:

- неправомерный отказ в государственной регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица;
- уклонение от регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица;
- неправомерный отказ в выдаче специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности;
- уклонение от выдачи специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности;
- ограничение прав и законных интересов индивидуального предпринимателя или юридического лица в зависимости от организационно-правовой формы;
- незаконное ограничение самостоятельности индивидуального предпринимателя или юридического лица;
- иное незаконное вмешательство в деятельность индивидуального предпринимателя или юридического лица.

Первые четыре деяния на сегодняшний день совершать не только нецелесообразно, но и фактически невозможно, а последние три более точно описываются конкурирующими ст. 285, 286 и 290 УК РФ, и уголовные дела часто возбуждаются именно по этим статьям.

2. Основное исследование

Первая проблема, возникающая в правоприменительной практике при использовании ст. 169 УК РФ, касается неправомерного отказа в регистрации индивидуального предпринимателя, коммерческой либо некоммерческой организации, неправомерного отказа в выдаче лицензии, а также уклонения от совершения этих действий. На данный момент такие виды деятельности государственных органов, как регистрация и выдача лицензии, подробно регламентируются соответствующими

щими нормативными правовыми актами. Например, нормативно-явочный порядок образования юридических лиц и четкие механизмы, созданные Федеральным законом от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», делают фактически невозможными уклонение от регистрации или неправомерный отказ в ней: «...регистрирующий налоговый орган не проверяет на предмет соответствия федеральным законам или иным нормативным правовым актам РФ форму представленных документов (за исключением заявления о государственной регистрации) и содержащиеся в представленных документах сведения (за исключением, например, полномочий заявителя). Действующим законодательством налоговый орган (регистрирующий орган) не наделен полномочиями по проверке представляемых на регистрацию организации документов» (Шишкин 2014, 225).

Что же касается лицензирования отдельных видов деятельности или выдачи специальных разрешений, то разрешительное законодательство, включающее значительный массив нормативных правовых актов федерального и регионального уровней, оставляет достаточно возможностей для правомерного отказа в выдаче разрешения, если у лица появляется желание воспрепятствовать кому-либо.

Так, приговором Комсомольского районного суда г. Тольятти от 25.07.2017 по делу № 1-217/2017² К. была признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 169 и п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ. По делу установлено, что сдача тепловых сетей строящегося объекта в эксплуатацию была невозможна без представления особого документа — «Методики проведения пусконаладочных и режимно-наладочных испытаний на тепловых энергоустановках», согласованной Ростехнадзором. Осуществление подобных работ без Методики не принималось Ростехнадзором, а сами работы считались невыполненными³.

В соответствии с этим юридическое лицо, занимающееся предпринимательской деятельностью в сфере проведения испытаний и режимной наладки тепловых сетей, подготовило необходимую Методику для согласования в территориальном подразделении Ростехнадзора. Однако К. — инспектор Ростехнадзора, выполняющая функцию представителя власти, Методику неоднократно отклоняла. В ходе общения с генеральным директором юридического лица она предложила поговорить на этот счет вне кабинета и во время встречи пояснила, что в случае передачи ей 50 тыс. руб. она согласится подготовить положительное заключение и полностью сопроводить вопрос о согласовании Методики.

Проблема заключалась в том, что подсудимая в соответствии со своими должностными полномочиями надлежащим образом и в нужный срок рассмотрела представленную юридическим лицом Методику и своевременно подготовила мотивированные ответы об отказе в ее согласовании, которые впоследствии были утверждены руководителем Ростехнадзора. Поэтому на основании исследованных

² Здесь и далее все ссылки на судебную практику приводятся по ГАС «Правосудие». Дата обращения 25 ноября, 2020. <https://sudrf.ru>.

³ По мнению обвинения, Методика являлась, по сути, специальным разрешением (лицензией) для ведения пусконаладочных и режимно-наладочных испытаний на тепловых энергоустановках. Такое решение представляется как минимум спорным. Суд же не стал подробно исследовать данный вопрос в своем решении, указав лишь, что подсудимая К. не уклонялась от выдачи специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности.

доказательств суд, как представляется, абсолютно обоснованно постановил, что подсудимая не воспрепятствовала законной предпринимательской деятельности юридического лица путем неправомерного отказа в выдаче специального разрешения на осуществление определенной деятельности либо уклонения в его выдаче. Но поскольку именно благодаря таким «мотивированным» отказам подсудимая получила взятку и в связи с этим Методику без каких-либо изменений согласовала, суд совершенно закономерно указал, что она все-таки воспрепятствовала законной предпринимательской деятельности юридического лица, правда, путем ограничения прав и законных интересов юридического лица.

На наш взгляд, ограничение прав и законных интересов индивидуального предпринимателя или юридического лица является деянием, охватывающим отказ в регистрации или выдаче специального разрешения (лицензии), а также уклонение от этих действий. И если 20 лет назад имело смысл акцентировать внимание на том, что существует уголовно-правовой запрет именно на такие формы воспрепятствования предпринимательской деятельности, то настоящий уровень экономического развития России уже не требует этого. Таким образом, половина диспозиции ст. 169 УК РФ, а именно слова «Неправомерный отказ в государственной регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица либо уклонение от их регистрации, неправомерный отказ в выдаче специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности либо уклонение от его выдачи» могут быть удалены без ущерба для содержания и сущности данной нормы.

Вторая проблема, связанная с применением ст. 169 УК РФ, — это конкуренция со ст. 285, 286 и 290 УК РФ. Здесь целесообразно вспомнить об Определении Верховного суда РФ от 08.06.2010 № 11-ДПР-10-18 (приговор о получении взятки, злоупотреблении должностными полномочиями изменен: переквалифицированы действия осужденного с ч. 1 ст. 285 УК РФ на ч. 1 ст. 169 УК РФ и на ч. 2 ст. 169 УК РФ, так как суду при квалификации содеянного осужденным следовало иметь в виду, что использование должностным лицом своего служебного положения при незаконном вмешательстве в деятельность индивидуального предпринимателя или юридического лица влечет ответственность по ст. 169 УК РФ). В Определении указывается, что «использование должностным лицом своего служебного положения при незаконном вмешательстве в деятельность индивидуального предпринимателя или юридического лица влечет ответственность по ст. 169». Определение однозначно свидетельствует о том, что злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ) являются конкурирующими нормами, а значит, не могут образовывать идеальную совокупность.

Этот вывод подтверждается и формулировками статей. Законодатель четко прописал, что при воспрепятствовании предпринимательской деятельности (ст. 169 УК РФ) речь идет только об использовании служебного положения. При злоупотреблении же должностными полномочиями (ст. 285) суд должен четко установить круг служебных полномочий и то, как именно лицо ими злоупотребило; при превышении должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) — круг служебных обязанностей и то, какими действиями лицо вышло за их пределы; а при получении взятки (ст. 290 УК РФ) — за какие именно действия должностное лицо получило вознаграждение. В связи с этим имеющиеся в правоприменительной практике случаи,

когда деяние должностного лица квалифицируется как идеальная совокупность должностного преступления и воспрепятствования законной предпринимательской деятельности, представляются грубым нарушением принципа законности.

Так, приговором Семикаракорского районного суда Ростовской области от 19.02.2019 по делу № 1-6/2019 (1-169/2018) муниципальные служащие Б. и Т., входившие в Единую комиссию по осуществлению закупок для муниципальных нужд, были признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 286, ч. 1 ст. 169, ч. 1 ст. 292 УК РФ. По делу было установлено, что они обеспечили победу в закупке определенному юридическому лицу. А именно, когда после вскрытия конвертов с заявками оказалось, что в закупке должна выиграть сторонняя коммерческая организация, они, желая победы другой конкретной компании, связались с ее генеральным директором (их общим знакомым). В ходе беседы они дали ему указание привезти новый конверт с лучшим предложением цены. После чего Б. и Т. подменили старый конверт на новый и подготовили все необходимые для завершения процесса закупок официальные документы. Таким образом, муниципальные служащие одновременно предоставили преимущества аффилированной компании и дискриминировали другую компанию при проведении закупок для обеспечения муниципальных нужд. Суд, согласившись со следственными органами, квалифицировал их деяние по трем статьям — ч. 1 ст. 169, ч. 1 ст. 286 и ч. 1 ст. 292 УК РФ.

Показательно, что описательно-мотивировочная часть приговора этого суда содержит в себе три идентичных текста, описывающих конкурс, подмену конверта и создание протокола вскрытия конвертов, которые оканчиваются тремя разными абзацами. В первом констатируется, что эти действия муниципальных служащих являются превышением их полномочий; во втором, что эти же самые действия являются воспрепятствованием законной предпринимательской деятельности стороннего юридического лица, т. е. использованием служебного положения в терминологии законодателя; а в третьем, что они же составляют служебный подлог, т. е., по сути, являются злоупотреблением должностным положением. Не менее показательно и то, что по совокупности преступлений им было назначено наказание в виде штрафа в размере 250 тыс. и 200 тыс. руб. соответственно, которое абсолютно не требовало такого обширного набора статей.

В соответствии с п. 21 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре», если одно преступление ошибочно квалифицировано по нескольким статьям уголовного закона, суд в описательно-мотивировочной части приговора должен указать на исключение излишне вмененных подсудимому статей уголовного закона, приведя соответствующие мотивы.

Итак, можно выстроить следующую теоретическую схему квалификации деяний, направленных против законных прав и интересов субъектов предпринимательской деятельности:

- если речь идет о случае *использования служебного положения*, то деяние квалифицируется по ст. 169 УК РФ;
- если речь идет об *использовании конкретных служебных полномочий*, то деяние квалифицируется по ст. 285 УК РФ;
- если речь идет о *выходе за пределы служебных полномочий*, то деяние квалифицируется по ст. 286 УК РФ;

- если речь идет о *получении вознаграждения*, то любое из трех вышеперечисленных деяний квалифицируется по ст. 290 УК РФ (ст. 291² УК РФ);
- если же имеет место реальная совокупность, например, должностное лицо организовывало проведение необоснованных проверок бизнеса, после чего вымогало взятку, либо, наоборот, после отказа передать взятку организовывало проведение необоснованных проверок с тем, чтобы подкрепить свои угрозы, то квалификация осуществляется по ст. 290 УК РФ и по одной из трех статей (ст. 169, 285 или 286 УК РФ) в зависимости от содеянного.

В практических целях использовать эту схему нереально. Получение вознаграждения — единственное действие, которое объективно возможно отличить от всех остальных. Что касается использования служебного положения, конкретных служебных полномочий и их превышения (если речь не идет о применении насилия), то провести между этими деяниями четкую грань трудно. Так, в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного суда РФ, данными в Постановлении от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», действиями вопреки интересам службы (ст. 285 УК РФ) следует считать, например, подписание актов работ до их окончания, выдачу листков нетрудоспособности без медицинского освидетельствования, водительских удостоверений без проведения экзамена и т. д. Однако ничто из перечисленного не является «чистой» реализацией имеющихся полномочий лица, так как сопровождается нарушением особых обстоятельств их выполнения. А следовательно, в соответствии с п. 19 указанного постановления они могут быть квалифицированы и как превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). В отличие от УК РФ, в уголовных кодексах Франции, Германии, США и Японии «не проводится разграничения составов превышения и злоупотребления должностными полномочиями, а в тех странах, где такое разграничение проводится, норма о превышении сформулирована абстрактно, без указания присущих превышению существенных признаков» (Румянцева 2017, 155).

Наибольшие сложности связаны с описанием объективных признаков и примеров использования своего служебного положения. Формулировка «с использованием своего служебного положения» в статьях Особенной части УК РФ встречается часто, в основном в качестве квалифицирующего признака. Его толкование Верховным судом РФ применительно к разным составам преступления непоследовательно. Например, суд указывает, что использовать должностное положение могут должностные лица, государственные и муниципальные служащие, а также иные лица, отвечающие требованиям п. 1 примечания к ст. 201 УК РФ⁴; любые лица, осуществляющие специальные обязанности⁵; любые лица, осуществляющие трудовую функцию⁶, и т. д.

⁴ Пункт 29 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

⁵ Пункт 15 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств».

⁶ Пункт 23 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

Для целей ст. 169 УК РФ кажется наиболее разумным опираться на п. 4 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 09.07.2013. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». В нем поясняется, что «способствование должностным лицом в силу своего должностного положения совершению действий (бездействию) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц выражается в использовании взяткополучателем авторитета и иных возможностей занимаемой должности для оказания воздействия на других должностных лиц в целях совершения ими указанных действий (бездействия) по службе». Однако на практике доказать, что лицо использовало авторитет занимаемой должности для вмешательства в предпринимательскую деятельность, трудно, так как речь обычно идет о цепочке обращений и действий, которые хотя и не отличаются этичностью, тем не менее не выходят за рамки закона. По сути, должностное лицо всячески усложняет и затягивает процедуру путем инициирования дополнительных проверок, неподписания документов и другими способами, вынуждая предпринимателя выполнить просьбу. Кроме того, должностных лиц отличают «высокая компетентность и квалифицированность; общая и правовая грамотность, связанная со знанием и использованием в своих интересах пробелов в законодательстве; наличие различных неофициальных связей с должностными лицами в правоохранительных и/или контролирующих структурах; выбор стороной защиты активной линии поведения, направленной на оказание противодействия расследованию, и т.д. Реализация подозреваемым, обвиняемым в соучастничестве с представляющим его интересы защитником такой тактики поведения путем многочисленных необоснованных заявлений, ходатайств и жалоб, срывов следственных действий, постоянных изменений показаний, «мотивированных» отказов от ранее данных показаний снижает эффективность расследования и обедняет доказательственную базу по уголовному делу» (Варданян, Казаков 2015а, 148).

Так, по приговору Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 29.06.2017 по делу № 1-12/2017 (1-552/2016) депутат регионального законодательного собрания Б. был оправдан по ч. 1 ст. 169 УК РФ в связи с отсутствием в его действиях состава преступления. Обвинение утверждало, что Б. якобы обратился к своему знакомому, чтобы тот обратился к некоммерческой организации, которая, в свою очередь, начала подавать жалобы на законность установки рекламных конструкций определенных юридических лиц для последующего привлечения их к административной ответственности. Затем, используя проверки и штрафы как рычаг давления, подсудимый в ходе переговоров якобы вынудил представителей юридических лиц заключить договоры купли-продажи рекламных конструкций на заведомо невыгодных условиях. Доказать такую сложную цепочку обращений обвинение не смогло, и подсудимый был оправдан.

Аналогично этому по приговору Первомайского районного суда г. Пензы от 20.09.2018 по делу № 1-84/2018 по ч. 1 ст. 169 УК РФ в связи с отсутствием в его действиях состава преступления был оправдан Т. — также депутат регионального законодательного собрания. По версии обвинения, он написал жалобы и от своего имени, и от имени граждан, чтобы инициировать проверки и в конечном счете закрыть автосервис, где, по его мнению, ему плохо отремонтировали машину (за «символическую», что характерно, плату). Однако доказать в суде, что это следует квалифици-

ровать как воспрепятствование предпринимательской деятельности, обвинение не смогло. Для полноты картины возможностей воздействия должностного лица на решение некоторых вопросов следует описать еще один эпизод этого же дела. По нему Т. был осужден за покушение на мошенничество (ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 159 УК РФ). Представитель юридического лица передал подсудимому денежное вознаграждение, чтобы тот обратился к главе администрации муниципального образования за решением проблемы с вводом здания в эксплуатацию (там были превышены границы застройки). Решение вопроса об увеличении границ застройки должно было состоять из двух этапов: публичных слушаний и постановления администрации. На первых публичных слушаниях о расширении границ застройки большинство проголосовало за (в них участвовал подсудимый). Однако затем в администрации города начались обыски, после чего юридическому лицу было отказано в предоставлении разрешения на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства, а на вторых публичных слушаниях все проголосовало против.

Итак, использование авторитета занимаемой должности для оказания воздействия на других должностных лиц доказуемо только, если оно сопряжено с получением вознаграждения. Само по себе это деяние обладает практически стопроцентной латентностью. Более того, с этической точки зрения должностное лицо зачастую выглядит даже лучше, чем предприниматель. Ведь чиновник внешне может действовать во имя интересов общества, а не ради прибыли. Поэтому для целей ст. 169 УК РФ такое понимание использования служебного положения не подходит.

Любое другое определение, на наш взгляд, также не позволяет четко отграничить использование положения от злоупотребления полномочиями или от превышения полномочий. Более того, сам Верховный суд недостаточно последовательно различает их. Так, в п. 11 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» под совершением бандитизма с использованием своего служебного положения предлагается понимать «использование лицом своих властных или иных служебных полномочий...» А в п. 16 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», наоборот, протекционизм, идея которого заключается в использовании положения для способствования нужному человеку в карьерном росте, рассматривается как использование должностным лицом своих служебных полномочий.

Глубокий анализ проблемы конкуренции ст. 169 и ст. 285, 286 и 290 УК РФ позволяет утверждать, что ст. 169 УК РФ по своей конструкции не соответствует всем правилам соотношения специальной и общей нормы. Первый аргумент в обоснование этой позиции — гораздо более мягкая санкция ст. 169 УК РФ, даже не предусматривающая лишения свободы (по ч. 1 ст. 169 УК РФ). Это нарушает обычную логику законодателя, которая заключается в том, что ответственность по специальной норме строже, чем по общей, если речь не идет о привилегированном составе. Представляется, что относить ст. 169 УК РФ к привилегированному должностному преступлению в корне неверно. Кроме того, в диспозициях вышеперечисленных статей указывается на деяния, которые неоднозначно соотносятся между собой, что затрудняет выделение конкретизирующей специальную норму признака. Многие распространенные на практике формы давления на индивиду-

альных предпринимателей и юридических лиц представляют собой такое превышение должностных полномочий или злоупотребление ими, которое некорректно описывать термином «воспрепятствование». Негативное влияние на предпринимательскую деятельность в таких случаях не входит ни в содержание, ни в цели деяния, а становится скорее побочным, сопутствующим обстоятельством, которое может быть более точно описано в контексте кумулятивного объекта преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Так, по приговору Фрунзенского районного суда г. Саратова от 28.01.2019 по делу № 1-2/2019 (1-47/2018) муниципальная служащая Н. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ. Н. в силу своих должностных обязанностей могла осуществлять контроль за деятельностью предприятий всех форм собственности. К ней обратился бывший глава администрации данного муниципального образования с просьбой помочь найти водку определенной марки и в определенном количестве для неофициальной части собрания совета директоров. В телефонном разговоре он не стал уточнять способ, которым данная муниципальная служащая могла бы ее приобрести, и благодаря этому проходил по делу в статусе свидетеля. Муниципальная служащая же согласилась исполнить данную просьбу, для чего вызвала к себе генерального директора одного из юридических лиц и, находясь на рабочем месте, прямолинейно потребовала предоставить водку. Предприниматель, опасаясь негативных последствий для бизнеса, эту водку приобрел (в его кафе-баре нужного количества водки указанной марки не оказалось) и безвозмездно передал по месту требования.

Если для описания содеянного муниципальной служащей использовать формулировки диспозиции ст. 169 УК РФ, то следовало бы сказать, что осужденная «незаконно ограничила самостоятельность юридического лица» или «вмешалась в его деятельность», предложив компании использовать на водку деньги, которые можно было бы потратить на развитие бизнеса. Но подобные обтекаемые фразы нежелательны в уголовном процессе. Аналогично этому можно и насильственный половой акт квалифицировать как причинение вреда здоровью потерпевшей. Вопрос в том, насколько при этом исказится сущность данного преступления и усложнится процесс доказывания. Поэтому вполне понятно решение следствия и суда рассматривать деяние муниципальной служащей как превышение должностных полномочий (ч. 1 ст. 286 УК РФ). Бесспорно и легко доказуемо, что лицо, находящееся на муниципальной службе, ни при каких обстоятельствах не имеет полномочий просить у юридического лица приобрести водку для чужого совета директоров.

Соответственно, при получении должностным лицом вознаграждения, в том числе для передачи другому лицу, за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя не может быть и речи о том, чтобы квалифицировать это как «ограничение прав и законных интересов индивидуального предпринимателя или юридического лица», как «незаконное ограничение их самостоятельности» или «иное незаконное вмешательство в их деятельность». Эти обтекаемые формулировки не нужны при наличии четко сформулированной диспозиции ст. 290 УК РФ.

Необходимость существования ст. 169 УК РФ можно было бы обосновать рас-

пространенностью в России действий, связанных с таким интересным феноменом, как спонсорская помощь бизнеса органам власти и местного самоуправления. Речь идет о завуалированном вымогательстве (т.е. без прямых угроз, поскольку иначе это будет превышением должностных полномочий) с целью вынудить предпринимателей оказать безвозмездную финансовую помощь.

Так, приговором Сосногорского городского суда Республики Коми от 12.09.2016 по делу № 1-142/2016 муниципальный служащий М. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285, ч. 1 ст. 169 УК РФ. По делу установлено, что М., который занимался в том числе курированием муниципальных контрактов, обратился к генеральному директору юридического лица с предложением об оказании на безвозмездной основе финансовой помощи, а именно передал счет на оплату дорогостоящих запасных частей к сломавшемуся снегоболотоходу и объяснил, что финансовые проблемы не позволяют муниципалитету оплатить ремонт этой необходимой техники самостоятельно. Причем он выбрал именно то юридическое лицо, чьи акты выполненных работ по муниципальному контракту были переданы ему на подпись, но к моменту обращения подписаны еще не были, а значит, и оплата стоимости выполненных этой компанией работ произведена не была.

Вмешательства в дела предпринимателей, когда за них принимается решение о том, когда и какую именно безвозмездную финансовую помощь следует оказать органам местного самоуправления или государственным органам, очень сложны для расследования по той причине, что это «серая зона» взаимодействия власти и бизнеса. В России рейтинг доверия к предпринимателям крайне низок⁷, а губернатор в своем интервью на вопрос о влиянии на бизнес может прямо заявить: «Поначалу некоторые брыкались, потом приходили, и мы начинали разговаривать. Я говорю: “Хочешь нормально работать, давай договоримся”. В основном договариваемся о помощи в благоустройстве городов и районов...»⁸. В таких условиях естественно, что у органов власти и местного самоуправления создается искаженное представление о том, что бизнес не просто нужно призывать к социально ответственному поведению, но и прямо указывать, в чем оно должно проявляться. В результате все большее распространение получают как откровенно противоправные действия должностных лиц в виде использования имущества и денег предпринимателей для проведения собраний, ремонта дорог, закупки подарков и т.д., так и гораздо более латентные формы вмешательства, например рекомендации поучаствовать в конкретных социальных проектах или перечислить средства в местные фонды с формулировкой «у нас так принято».

Вместе с тем существует такая концепция, как корпоративная ответственность бизнеса (социальная ответственность бизнеса, социальные инвестиции, Corporate Social Responsibility и т.д.). Эта концепция активно развивается примерно послед-

⁷ «Отношение к предпринимателям и восприятие бизнеса в России». 2019. ВЦИОМ. Дата обращения 5 июля, 2019. https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2019/Predprinimatelstvo2019.pdf.

⁸ «На угольную промышленность Кузбасса начался международный “крестовый поход”»: Интервью Амана Тулеева от 25 августа 2016 г. ТАСС. Дата обращения 5 июля, 2019. <https://tass.ru/interviews/3562954>.

ние 60 лет. Большинство ранних работ, непосредственно посвященных исследованию этого явления, издано в Соединенных Штатах. Затем этим вопросом активно заинтересовались ученые и практики Европы, а в текущее десятилетие корпоративной ответственности бизнеса уделяется внимание и в странах Азии (Carroll 2008, 20). Сегодня существует Международный стандарт по социальной ответственности⁹. Констатируется, что многие социальные вызовы нашего времени слишком важны и сложны, чтобы оставить их на усмотрение правительств и некоммерческих организаций. Именно бизнес играет главную роль в противостоянии многим социальным проблемам (Lin 2018, 1605).

Социально ответственное поведение бизнеса полезно не только для общества в целом, но и для долгосрочного успеха самих предпринимателей. И зарубежные, и российские компании расходуют большой объем собственных средств на различные социальные проекты — от нерегулярных благотворительных пожертвований и социального волонтерства до программ по защите окружающей среды или улучшения условий жизни населения государства. При этом все чаще можно услышать призывы, в первую очередь в зарубежной прессе, к гораздо более ответственному поведению бизнеса, особенно в сфере экологии. Более того, вполне обоснованно утверждается, что жесткое разделение государственного управления и саморегулирования в отношении социально полезных действий компаний, хотя и полезно с точки зрения самостоятельного исследования данных явлений, не всегда реализуемо на практике (Sinclair 1997, 529). Несмотря на некоторую размытость понятия корпоративной ответственности бизнеса, на наш взгляд, легко провести четкую границу между ней и прямыми указаниями бизнесу от должностных лиц. Когда в зарубежных работах уделяется внимание ресурсам воздействия государства на предприятия с целью «тонкой настройки» вариантов саморегулирования в соответствии с конкретными социальными проблемами, то речь идет в основном о системе мотивации и запретов на противоречащие интересам общества действия (Sheehy 2015, 641–643). При этом не рассматривается перспектива заставить предпринимателей совершать какие-либо действия даже ради благой цели.

Корпоративная ответственность компаний в том принудительном виде, в котором она развивается в России, неприемлема по нескольким причинам. Во-первых, из-за коррупционной составляющей: если оставить в законодательстве возможность потребовать средства на детский сад, то это откроет дорогу злоупотреблениям. И всегда найдется чиновник, который не преминет воспользоваться этой лазейкой в личных целях. В частности, сейчас должностные лица обращаются к предпринимателям с просьбой оплатить обучение детей, выплатить за них долги, закупить подарки нужным людям и т. д. Во-вторых, принуждение ведет к потенциально низкой эффективности использования средств. Эффективные социальные проекты нуждаются в тщательной проработке, постоянном финансировании и качественном исполнении. Полуполюгальное, основанное на личном общении взаимодействие не может обеспечить этого. Ну и в-третьих, страдает имидж и снижается мотивация предпринимателей. Получается, что объект поддержки выбирает не тот, кто заработал деньги, а другое лицо. Медийные и иные дивиденды от этого также получит не бизнес, а иное лицо, что ведет к озлобленности бизнеса. Предприятию

⁹ Guidance on social responsibility (ISO 26000:2010). Дата обращения 5 июля, 2019. <https://www.iso.org/standard/42546.html>.

становится совершенно неинтересно качество социальной работы, не происходит развития важнейшей идеи о необходимости социальной работы для достижения цели извлечения прибыли.

Основные проблемы, связанные с данной категорией дел, по аналогии с регистрацией юридических лиц лежат в области не уголовного, а гражданского законодательства. Российские законы в сфере регулирования социального партнерства власти и бизнеса находятся на этапе становления. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» охватывает вопросы регулирования договоров социального партнерства очень узко, в основном применительно к созданию недвижимого имущества. Из этого невозможно сделать вывод, что иные формы привлечения компаний к социальному партнерству запрещены. Частота, с которой в прессе появляются сообщения об обращении высших органов власти к крупному бизнесу за решением разнообразных острых проблем, говорит о том, что и в масштабах муниципальных образований эта практика широко распространена. Для уменьшения числа злоупотреблений следует либо дать разъяснения о полной незаконности привлечения юридических лиц в социальные проекты, либо четко отграничить законные способы от незаконных. Например, признать единственным законным способом взаимодействия власти и бизнеса заключение договора социального партнерства и, соответственно, законодательно или хотя бы на уровне положений муниципальных образований урегулировать вопросы, касающиеся его содержания. Без этого условия уголовная ответственность не может стать эффективной составляющей защиты бизнеса от принуждения к спонсорской помощи органам власти и местного самоуправления.

С точки зрения идеологии то, что гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» открывается именно должностным преступлением, очень символично. Однако главная идея уголовных запретов заключается не в том, чтобы популистски задекларировать «красивое» положение, а в том, чтобы стать основой эффективного механизма привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, и здесь ст. 169 УК РФ показала минимальную эффективность для целей защиты бизнеса. Даже наоборот, устаревшие, громоздкие и расплывчатые формулировки ее диспозиции сильно усложняют процесс доказывания.

По сути, разделение преступлений на коррупционные, экономические и должностные — условное и зачастую искусственное. Справедливо рассуждает Л. В. Иногамова-Хегай, называя лишними около двух десятков статей из числа экономических, должностных и против порядка управления. По ее мнению, воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 169 УК РФ) и регистрация незаконных сделок с землей (ст. 170 УК РФ) являются частно-специальными нормами по отношению к злоупотреблению должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Многие статьи из раздела преступлений против экономической деятельности находятся в такой же связи с подлогом документов (ст. 327 УК РФ) или служебным подлогом (ст. 292 УК РФ), а также злоупотреблением полномочиями (ст. 201 УК РФ) (Иногамова-Хегай 2014, 158).

Уголовная ответственность за вмешательство в деятельность индивидуальных предпринимателей и юридических лиц — последний рубеж защиты бизнеса от попыток давления. Исключение этой статьи вызовет еще более серьезное социально-

политическое негодование, чем декриминализация побоев, и поэтому требует серьезного обоснования. Для того чтобы общественные отношения в сфере обеспечения свободы предпринимательской деятельности не остались без охраны, речь должна идти о включении положений ст. 169 УК РФ в содержание ст. 285 УК РФ. Это можно сделать двумя способами, в том числе без изменения формулировок последней. Достаточно скорректировать Постановление Пленума Верховного суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» с включением в него, например, следующих положений: «Как злоупотребление должностными полномочиями должны квалифицироваться действия должностного лица, которое из корыстной или иной личной заинтересованности вмешивается в деятельность индивидуального предпринимателя или юридического лица, предоставляет им преимущества либо вопреки интересам службы совершает иные действия, направленные на ограничение прав и законных интересов индивидуального предпринимателя или юридического лица». Кроме того, возможно внесение квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 285 УК РФ: «...либо сопряженное с воспрепятствованием законной предпринимательской деятельности юридического лица». Такое решение позволит сохранить идеологическую составляющую важности защиты бизнеса и поэтому представляется приоритетным.

3. Выводы

Существование ст. 169 УК РФ с 1997 г. показало минимальную эффективность этого уголовно-правового запрета, так как судебно-следственная практика крайне редко ее использует.

Формулирование в уголовном законе специальной нормы при наличии общей оправданно с целью повышения уголовной ответственности для специальных субъектов и для учета особых обстоятельств, связанных с ценностью объекта посягательства, сферой преступной деятельности, способом, обстановкой, мотивами, целями и другими особенностями, оправдывающими введение специальной нормы. Как правило, она усиливает ответственность по сравнению с общей нормой. Иное решение, т. е. введение специальной нормы для ослабления ответственности, которое практикуется в последние годы, по мнению большинства специалистов, не имеет смысла, поскольку не создает новых возможностей для суда, который и так может легко варьировать наказание, тем более что во многих санкциях исключены нижние пределы наказаний.

Наличие нескольких конкурирующих норм вносит дополнительные сложности в практику квалификации преступлений, что ведет к нарушению принципа законности, так как в аналогичных ситуациях практика привлечения к ответственности распределяется по трем направлениям: вменение общей нормы; вменение специальной нормы; вменение нескольких статей в ситуациях, оцениваемых как идеальная совокупность преступлений. Не во всех случаях существуют рекомендации Пленума Верховного суда РФ, разрешающие данный конфликт. Даже в отношении тех преступлений, по которым они есть, практика далеко не единообразна — ст. 169 служит иллюстрацией именно такой ситуации. Ничтожное число приговоров по этой статье позволяет сделать вывод о том, что она, как правило,

учитывается в качестве дополнения к более серьезным статьям, предусматривающим ответственность за должностные преступления, общественная опасность «чистого» воспрепятствования, не подпадающего под понятия злоупотребления служебными полномочиями или их превышения, и игнорируется практикой. Представляется, что исключение ст. 169 УК РФ с установлением ответственности за воспрепятствование законной предпринимательской деятельности в рамках состава ст. 285 УК РФ не ослабит защиту бизнеса, а, наоборот, повысит обеспечение законности в этой сфере путем создания условий большей правовой определенности при квалификации должностных преступлений.

Библиография

- Бажанов, Станислав В. 2017. «Уголовно-правовая характеристика воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности». *Вестник Академии права и управления* 2 (47): 27–30.
- Варданян, Акоп В., Владимир В. Казаков. 2015а. «Тактико-криминалистический потенциал проверки показаний на месте и вопросы его реализации в целях повышения результативности расследования незаконного вмешательства в предпринимательскую деятельность». *Вестник Томского государственного университета* 398: 148–152. <https://doi.org/10.17223/15617793/398/24>.
- Варданян, Акоп В., Владимир В. Казаков. 2015б. «Криминалистический анализ субъектов преступлений, связанных с воспрепятствованием законной предпринимательской или иной деятельности, как фактор повышения результативности расследования». *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права* 9 (4): 745–754. [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(4\).745-754](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(4).745-754).
- Гладких, Виктор И., Петр Н. Сбирунов. 2012. «Квалификация воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности». *Российский следователь* 8: 15–19.
- Иванцов, Сергей В., Татьяна В. Молчанова. 2018. «Применение статьи 169 УК РФ как формы уголовно-правовой охраны предпринимательской деятельности». *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России* 3 (43): 160–164. <https://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-10324>.
- Иногамова-Хегай, Людмила В. 2014. «О новой редакции УК РФ в сфере противодействия “экономическим” преступлениям». *Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен: материалы IX Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2014 года*, 154–158. М.: Юрлитинформ.
- Леонов, Евгений М. 2009. «Особенности уголовно-правовой характеристики воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности». *Российский следователь* 15: 6–8.
- Румянцева, Юлия Н. 2017. «Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за должностные преступления: опыт зарубежных стран». *Российский журнал правовых исследований* 2 (11): 151–158.
- Шишкин, Сергей С. 2014. «К вопросу о существовании юридических лиц (организаций)». *Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право* 2: 222–225.
- Carroll, Archie B. 2008. “A History of Corporate Social Responsibility Concepts and Practices.” In *Oxford Handbook of Corporate Social Responsibility*, eds Andrew Crane, Abigail McWilliams, Dirk Matten, Jeremy Moon, Donald S. Siegel, 19–46. Oxford: Oxford University Press. <https://dx.doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199211593.003.0002>.
- Lin, Tom C. W. 2018. “Incorporating Social Activism”. *Boston University Law Review* 98: 1535–1605.
- Sheehy, Benedict. 2015. “Defining CSR: Problems and Solutions”. *Journal of Business Ethics* 131 (3): 625–648. <https://doi.org/10.1007/s10551-014-2281-x>.
- Sinclair, Darren. 1997. “Self-Regulation Versus Command and Control? Beyond False Dichotomies”. *Law & Policy* 19 (4): 529–559. <https://doi.org/10.1111/1467-9930.00037>.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2019 г.;

Контактная информация:

Казакова Вера Александровна — д-р юрид. наук, проф.; vera1313@yandex.ru
Кораблёва Светлана Юрьевна — канд. юрид. наук, доц.; sukorableva@gmail.com

Article 169 of the Criminal Code of the Russian Federation — imitation of business protection

V. A. Kazakova, S. Yu. Korableva

Moscow State Linguistic University,
38, Ostozhenka ul., Moscow, 119034, Russian Federation

For citation: Kazakova, Vera A., Svetlana Yu. Korableva. 2020. “Article 169 of the Criminal Code of the Russian Federation — imitation of business protection”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 919–935. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.406> (In Russian)

The article presents the results of a study of a crime under Article 169 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the prospects for improving the legislation in order to more effectively protect business freedoms. In Russian criminal legislation there is a separate article that prohibits an official from interfering with the activities of individual entrepreneurs and legal entities. However, the analysis of criminal statistics shows that the existence of a separate article for the protection of entrepreneurs' rights does not help to combat the existing state of things. This is partly due to the fact that the improvement of the regulatory environment for the creation of legal entities made it impractical to a commit acts prohibited by this article. There is also a high latency of illegal actions by officials who pressure businesses. For example, in Russia veiled extortion is quite common in order to force entrepreneurs to provide free financial assistance, from allocating funds for social purposes to providing the authorities with necessary items for various events. The authors note that the most important condition for the freedom of entrepreneurs today is the improvement of civil legislation in the field of social partnership between government and business. Criminal legislation is the last line of protection for business entities and should be as effective as possible. Outdated and cumbersome wording of Article 169 of the Russian Criminal Code does not meet this criterion. The actions of officials contrary to the interests of the service should be qualified as malfeasance by a public official (Art. 285, 286 of the Criminal Code), including any forms of the restriction of rights and freedoms of business.

Keywords: business rights and protections, obstruction of business, economic crimes, malfeasance, abuse of office, malversation, corporate liability of business, social partnership, competition of norms.

References

- Bazhanov, Stanislav V. 2017. “Criminal-legal characteristic of obstructing the legitimate entrepreneur or other activity”. *Vestnik Akademii prava i upravleniia* 2 (47): 27–30. (In Russian)
- Carroll, Archie B. 2008. “A History of Corporate Social Responsibility Concepts and Practices.” In *Oxford Handbook of Corporate Social Responsibility*, eds Andrew Crane, Abigail McWilliams, Dirk Matten, Jeremy Moon, Donald S. Siegel, 19–46. Oxford, Oxford University Press. <https://dx.doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199211593.003.0002>.
- Gladkikh, Viktor I., Petr N. Sbirunov. 2012. “Qualification of hindering lawful entrepreneurial or other

- activity". *Rossiiskii sledovatel'* 8: 15–19. (In Russian)
- Inogamova-Khegai, Liudmila V. 2014. "On the new edition of the Criminal Code of the Russian Federation in the sphere of countering 'economic' crimes". *Ugolovnoe pravo v epokhu finansovo-ekonomicheskikh peremen: materialy IX Rossiiskogo kongressa ugolovnogo prava, sostoiavshegosia 29–30 maia 2014 goda*, 154–158. Moscow, Iurlitinform Publ. (In Russian)
- Ivantsov, Sergei V., Tat'iana V. Molchanova. 2018. "Application of article 169 of the Criminal code of the Russian Federation as a form of criminal law protection of business". *Iuridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* 3 (43): 160–164. <https://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-10324>. (In Russian)
- Leonov, Evgenii M. 2009. "Peculiarities of criminal-law characteristics of obstruction of legal entrepreneurial or other activity". *Rossiiskii sledovatel'* 15: 6–8. (In Russian)
- Lin, Tom C. W. "Incorporating Social Activism". 2018. *Boston University Law Review* 98: 1535–1605.
- Rumiantseva, Iuliia N. 2017. "Improvement of the criminal legislation on liability for crimes: the experience of foreign countries". *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy* 2 (11): 151–158. (In Russian)
- Sheehy, Benedict. 2015. "Defining CSR: Problems and Solutions". *Journal of Business Ethics* 131 (3): 625–648. <https://doi.org/10.1007/s10551-014-2281-x>.
- Shishkin, Sergei S. 2014. "To the issue of the existence of juridical persons (organizations)". *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Ekonomika i parvo"* 2: 222–225. (In Russian)
- Sinclair, Darren. 1997. "Self-Regulation Versus Command and Control? Beyond False Dichotomies". *Law & Policy* 19 (4): 529–559. <https://doi.org/10.1111/1467-9930.00037>
- Vardanian, Akop V., Vladimir V. Kazakov. 2015a. "Tactical and criminalistic potential of on-site evidence verification and aspects of its realization for the purposes of increasing the efficiency of unlawful interference into business operations investigations". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* 398: 148–152. (In Russian)
- Vardanian, Akop V., Vladimir V. Kazakov. 2015b. "Criminalistic analysis of individuals obstructing lawful entrepreneurial or other business activities as a factor of improving investigation efficiency". *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* 9 (4): 745–754. [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(4\)](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(4)). (In Russian)

Received: July 30, 2019
Accepted: October 3, 2019

Authors' information:

Vera A. Kazakova — Dr. Sci. in Law, Professor; vera1313@yandex.ru
Svetlana Yu. Korableva — PhD in Law, Associate Professor; sukorableva@gmail.com